

**СЬЮЗЕН
ХИЛЛ
ОБЕТЫ
МОЛЧАНИЯ**

INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х45

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Susan Hill
THE VOWS OF SILENCE

© Susan Hill, 2006

This edition published by arrangement
with Sheil Land Associates and Synopsis Literary Agency

Хилл, Сьюзен.

Х45 Обеты молчания : [роман] / Сьюзен Хилл ;
[перевод с английского Т. Масленниковой]. —
Москва : Эксмо, 2022. — 384 с

ISBN 978-5-04-166490-9

В соборном городке Лаффертон неизвестный стрелок охотится на молодых женщин. Первой жертвой становится счастливая новобрачная, второй — девушка из клуба, третьей — молодая мать.

Что связывает эти на первый взгляд случайные убийства? Киллер с винтовкой и киллер с пистолетом — это один и тот же человек? Или полиция столкнулась с двумя смертоносными снайперами?

За дело берется детектив Саймон Серрэйлер, однако его отвлекает трагедия в семье.

Напряжение нарастает, и каждая упущенная возможность влечет за собой новые жертвы...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-166490-9

© Масленникова Т., перевод
на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Для
гостей со свадьбы*

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить доктора Робина Бертса, который терпеливо отвечал на все мои медицинские вопросы на понятном мне языке. Консультации Карла Ми касательно огнестрельного оружия и работы полиции были неоценимы. Ник Пето рассказал мне все, что только можно было узнать об охоте. А советы и точные наблюдения Джессики Растон всегда били прямо в цель. Если какие-то ошибки и остались, то они полностью на моей совести.

ОДИН

Они лезли наверх два часа. А потом вышли под низко нависшее покрывало облаков. Начался мелкий дождь.

Он уже открыл рот, чтобы бросить язвительное замечание по поводу обещанной ясной погоды, но в этот самый момент голова Иэна чуть заметно дернулась влево. Он поднял указательный палец.

Иэн знал холмы и погоду на холмах; улавливал тончайшие изменения в направлении ветра. Он знал их лучше, чем кто бы то ни было.

Они стояли неподвижно и тихо. Возникло какое-то напряжение. Три минуты назад его не было.

Что-то есть.

Солнце вырвалось из-за туч, изодрав их в клочья. Сначала его сияние скрадывала влажная дымка, но потом оно засветило ослепительно-ярко, беззастенчиво, будто человек, выскочивший из засады. Уголки губ Иэна скривились в улыбке.

Но они продолжали стоять. Не шевелясь и не разговаривая. Выжидая.

Иэн поднял к глазам свой бинокль и медленно, очень медленно перевел взгляд слева направо.

И он ждал, наблюдая за наклоном головы Иэна, выжидającego нужный момент.

От их одежды, нагретой солнцем, начал идти пар.

Иэн опустил бинокль и кивнул.

Олени были под ними, хотя на ближайšie полмили он не видел абсолютно ничего. Но они там были, это точно. Иэн знал. Они шли осторожно, держась против

ветра. Из земли здесь торчали камни, легко было поскользнуться.

Он чувствовал давно знакомое возбуждение. Эти моменты были самыми лучшими. Когда ты знаешь. Когда ты вот настолько, вот настолько близок к тому, чтобы заметить его, вот настолько близок к развязке, к цели, к кульминации всего дела.

Вот настолько.

Легчайший вздох сорвался со сжатых губ Иэна.

Он проследил за его взглядом.

Взрослый олень стоял один, на небольшом склоне строго на запад от того места, где были они. Он ничего не почувствовал — пока что это можно было сказать наверняка. Надо продолжать в том же духе.

Они улеглись и начали ползти — влажная земля под пузом, яркое солнце над головой. Их яростно атаковали мошки, неизвестно как выискивая незащищенные участки кожи под задравшейся одеждой и не реагируя на стойкий запах цитронеллы, но сейчас он был так сосредоточен, что едва замечал их. Это потом зуд будет сводить его с ума.

Они ползли еще несколько минут, спускаясь все ниже, пока не поравнялись с оленем и не оказались в паре сотен ярдов от него.

Иэн остановился. Поднял бинокль. Они ждали. Наблюдали. Неподвижные, словно два камня.

Солнце стало жарче. Ветер полностью стих.

Они очень медленно, дюйм за дюймом, преодолели еще тридцать ярдов, и эти тридцать ярдов отняли у них десять минут; они почти не двигались. Как и положено.

Олень поднял голову.

— Старик, — прошептал Иэн так тихо, что он едва услышал.

Старейший зверь. Не такой огромный, как те, что живут в низине, и без широченных рогов. Но довольно могучий. Старый. Слишком старый, чтобы пережить еще одну зиму. Он слишком уважал животное, чтобы позволить этому случиться.

Они лежали с подветренной стороны и всего где-то в ста пятидесяти ярдах. Тут олень мотнул головой, слегка

повернулся и сделал несколько неуверенных шагов, но так и остался стоять спиной к ним. Они ждали.

Ждали. Солнце припекало. Он почти сварился в своей вошеной куртке.

А потом, как это обычно и бывает, олень в одну головокружительную секунду развернулся, поднял голову и поглядел в их сторону. Как будто знал. Как будто ждал его. Он занял просто идеальную позицию.

Он вытащил винтовку. Зарядил. Иэн напряженно наблюдал в бинокль.

Он аккуратно приподнялся и поглядел в прицел.

Старый олень не двигался. Теперь его голова была поднята выше, и он смотрел прямо на него.

Олень знал.

Иэн ждал, прильнув к биноклю.

Земля остановила свое вращение.

Он целился в сердце.

ДВА

Темно-синий пиджак. Юбка с бело-голубым узором. Средний каблук.

Шарф? Или бусы?

Бусы.

Хелен Крид зашла в ванную и поправила волосы. Вышла и еще раз поймала свое отражение в зеркале в полный рост. Господи, она выглядела... уныло. Это было единственное подходящее слово. Как будто собиралась на собеседование.

Она сняла юбку, блузку и пиджак и начала заново.

Было очень тепло. Конец сентября, бабье лето.

Хорошо. Светло-серые льняные брюки. Удлиненный льняной пиджак. Рубашка цвета фуксии, которую она еще ни разу не надевала.

Лучше? Да. Серьги? Простые гвоздики.

На улице послышался рев, с которым Том, как обычно, сделал эффектный финальный разворот на своем мотоцикле. Рев затих. Она услышала металлический лязг опустившейся на асфальт подножки.

Всего шесть. У нее еще почти два часа — слишком рано оделась.

Хелен села на край кровати. Она была возбуждена. Взбудоражена. Она нервничала, но в этом было что-то приятное, какое-то предвкушение. А теперь — как будто упала температура. Ей было нехорошо. Тревожно. Страшно. Какой абсурд. А потом она уже не чувствовала ничего, кроме выматывающей усталости: она уже не представляла, как наберется сил для того, чтобы встать с кровати.

Хлопнула дверь на кухню. Она услышала, как Том бросил свой шлем и тяжелые кожаные перчатки на пол.

Бледно-серый лен. Новая рубашка цвета фуксии. Она даже сделала себе прическу. Ей хотелось лечь в свою постель и спать, спать, спать...

Еще через пару минут она поднялась наверх.

— О, хороший выбор, мам, — сказала Элизабет, оторвавшись от своего учебника по французскому.

Том, как и всегда после возвращения домой, стоял около тостера. Том. Он говорил, что относится к этому «нормально». Что все «в порядке». Но Хелен до сих пор сомневалась.

Хотя бы насчет Элизабет ей переживать точно не стоило — именно дочь изначально и подтолкнула ее к этому. «Прошло уже шесть лет после смерти папы. Мы не останемся здесь надолго. Тебе нужно заняться своей жизнью, мам».

Но сейчас она уловила на лице Тома выражение, которое противоречило тому, что он говорил. Что все «в порядке». «Нормально».

— Я думал, ты встречаешься с этим парнем только в восемь.

— В полвосьмого.

— Неважно.

Том намазал чуть ли не полпачки масла и огромную ложку «Мармайта»¹ на четыре куска хлеба.

Кухню осветило вечернее солнце. Стало теплее. Французские книги Элизабет. Ручки. Маркеры. Открытая банка «Мармайта» на столе. Запах свежих тостов. И моторного масла.

— Я не могу пойти, — сказала Хелен. — Я не могу. О чем я думаю?

— О господи, только не надо опять, мы же уже все это проходили. Том, скажи ей, поддержи меня, ну?

¹ Мармайт (англ. *Marmite*) — торговая марка бутербродных паст, производимых в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Мармайт представляет собой коричневую пасту с ярким вкусом и запахом; паста очень соленая. Изготавливают ее из дрожжевого экстракта с добавлением других ингредиентов.

Том пожал плечами.

Его сестра раздраженно фыркнула. Заложила карандашом свою «Евгению Гранде».

— Ладно, давай еще раз. Это волнение перед первым свиданием или что?

Волнение перед первым свиданием? Как можно было вообще описать словами те чувства, которые она испытывала, сидя за кухонным столом в светло-сером льняном костюме, ни разу не надеванной рубашке цвета фуксии, по меньшей мере за час до назначенного времени?

Это было пару месяцев назад, во время прогулки с Матли на Холме, когда Элизабет заявила:

— Мне кажется, ты не общаешься с людьми.

Хелен сначала не поняла. Работая в аптеке, она общалась с людьми каждый день.

— Я имею в виду не это. — Элизабет села и прислонилась спиной к Камню Верна. Был июль. Матли лежала на земле и тяжело дышала, высунув язык.

Хелен задумалась и осталась стоять, глядя сверху на Лаффертон, чтобы не смотреть на свою дочь. Она чувствовала приближение чего-то важного или каких-то изменений в своей жизни, но она не знала, чего или каких. И это ее беспокоило.

— Мам, ты не думала, что ты можешь... ну, встретиться с кем-нибудь — я имею в виду, с кем-нибудь новым. После папы. Сядь, у меня уже шею сводит.

Хелен села на сухую траву. Элизабет смотрела прямо на нее. Она всегда была такая. Хелен помнила ночь, когда она родилась: Лиззи посмотрела на нее с таким же прямым, бескомпромиссным выражением, хотя новорожденные дети вообще не должны фокусироваться. Она глядела так же в раннем детстве, когда задавала вопросы. Этот прямой взгляд голубых глаз, который держал тебя и не отпускал. И вот теперь — снова он.

— Я окажусь в Кембридже, не успеешь ты оглянуться — будем надеяться. Том уедет со своими психами-друзьями.

— А я останусь совсем одна и не смогу себя обслуживать, ты это имеешь в виду.

— Не совсем.

— А что тогда?

— Меня волнует, что ты что-то упускаешь. У тебя должен быть кто-нибудь.

— Я не хочу снова замуж.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь не хотеть этого теоретически... пока не встретишь кого-то.

— Ну а кто сказал, что встречу?

— Если не будешь целыми днями торчать в своем закутке без окон в окружении горы таблеток — встретишь.

— Мне нравится моя работа.

— Не в этом дело. Слушай, я просто думаю, что тебе нужно занять более активную позицию по этому вопросу.

— Нет никакого «этого вопроса». Пойдем, Матли слишком жарко. И мне тоже.

Она встала. Но когда вслед за ней встала Лиззи, он никуда не делся — этот взгляд. Никак не отпускал ее. Хелен развернулась и зашагала вниз по Холму так быстро, что чуть не поскользнулась на каменной дорожке.

* * *

Она не хотела думать об этом. И не собиралась. Она была совершенно довольна жизнью. Она встретила Терри, когда ей было двадцать три, вышла за него через год, родила детей и была счастлива. Когда Тому исполнилось шесть, она снова вышла на работу, на полставки. Все было великолепно.

Когда Терри диагностировали злокачественную меланому, ей сказали, что у него есть еще пара лет, может, больше. У него было четыре месяца. Любые отношения с любым другим мужчиной казались тогда — и сейчас — невыносимыми. Когда она шла по дорожке последние несколько ярдов, она осознала, что была зла; зла и в какой-то панике.

— Я думаю... — начала Лиззи, поравнявшись с ней.

— Ну а я нет. Не надо. Это не тот разговор, который я сейчас готова с тобой вести.